

Личность и власть в современной России: взгляд через социальную структуру общества

*Т.И.Заславская,
действительный член РАН,
Интерцентр*

О роли социальной структуры в трансформации российского общества

Трансформационная структура общества: обоснование понятия

Одной из приоритетных проблем, привлекающих внимание исследователей современных обществ, являются социоструктурные сдвиги. И это не случайно: ведь социальная структура — это своего рода "солнечное сплетение" общества. Без ясного представления о том, как она устроена и в каких направлениях меняется, вряд ли можно эффективно решать стратегические проблемы общественного развития.

Изменения социальной структуры играют двоякую роль в механизме постсоциалистической трансформации. С одной стороны, они отражают принципиальные результаты институциональных реформ, а с другой — предопределяют динамику макросубъекта преобразовательного процесса, рост или уменьшение потенциала самореформирования общества. Таким образом, социоструктурные сдвиги концентрированно отражают итоги предшествующего и определяют "стартовые условия" предстоящего этапа процесса.

Задачи изучения той специфической проекции социальной структуры общества, которая непосредственно отражает это единство, на мой взгляд, заключаются в том, чтобы:

выявить совокупность функциональных ролей, выполняемых социальными макросубъектами в трансформационном процессе;

идентифицировать общественные группы, выступающие в качестве исполнителей этих ролей (иными словами, выделить макросубъекты процесса);

исследовать важные для исполнения ролей социальные свойства этих макросубъектов (например, устойчивость их состава и статуса, социальную гомогенность, политическую зрелость и др.);

изучить связывающие исполнителей разных ролей отношения (управления — подчинения, взаимопомощи — конкуренции, партнерства — отчуждения, доверия — недоверия, протеста — подавления).

Макросубъекты трансформации российского общества различаются типами, содержанием, интенсивностью и результатами своей активности. Эти качества в значительной мере зависят от имеющихся в их распоряжении экономических, политических, социальных и культурных ресурсов, т.е. в конечном счете — от их общественного статуса.

Группы, оказывающие наибольшее влияние на ход трансформационного процесса (правящая элита и верхний слой бюрократии), разрабатывают новые правила игры, облачают их в правовую форму, организуют и контролируют их выполнение (разумеется, не забывая использовать эти правила в собственных интересах). Группы, располагающие меньшими, но достаточно ощутимыми ресурсами (предприниматели, менеджеры, чиновники, профессионалы экономической и юридической сфер и др.), реализуют открываемые новыми правилами игры возможности, закрепляют, а частично и корректируют результаты проектируемых верхушкой общества реформ, как правило, изменяя их социально-экономическую направленность в направлении собственных интересов. Тем самым они практически преобразуют "социальную ткань" общества во всех его ипостасях, оказывая существенное влияние не только на реализацию устанавливаемых сверху правил игры, но и на сам процесс формирования новых правил.

Существуют и многочисленные общественные группы, на первый взгляд, не оказывающие самостоятельного влияния на ход институциональных реформ, являющиеся скорее их "заложниками", испытывающими "похмелье в чужом пиру". Однако впечатление о малой роли этих групп в трансформационных процессах в известном смысле обманчиво, так как в действительности они формируют отнюдь не нейтральную по отношению к направленности реформ социальную среду. В зависимости от ситуации, эта среда способна либо ускорять и поддерживать институциональные перемены, проектируемые и реализуемые более активными группами общества, либо отчуждаться от них и не принимать в них участия, либо сознательно саботировать выполнение не отвечающих ее интересам правил, активно противодействовать их внедрению, де-факто сохранять прежние или формировать новые нелегитимные правила поведе-

ния. Поэтому восприятие проводимых реформ массовыми группами населения, их социальное настроение и поведение служат важнейшими характеристиками трансформационного процесса, во многом определяющими ход и результаты реформ.

Качественный состав, направленность интересов, соотношение ресурсов и возможностей, механизмы взаимодействия названных групп характеризуют движущие силы трансформационного процесса. Макросубъекты, имеющие разные, а нередко и противоположные интересы, сознательно или неосознанно содействуют реализации разных вариантов общественного развития. Совокупность таких субъектов, с моей точки зрения, можно рассматривать как специфическую — социально-трансформационную (или просто трансформационную) — проекцию социальной структуры общества. Эта структура отражает способность и готовность конкретного общества к саморазвитию, в том числе путем радикального преобразования собственного устройства — базовых институтов и социальной структуры. Индикатором этой способности служит инновационно-реформаторский потенциал, в котором, как в молекуле ДНК, заложено будущее данного общества.

Инновационно-реформаторский потенциал общества

Реформаторский потенциал каждого общества зависит от двух важнейших характеристик — качества социальной структуры и особенностей национальной культуры. Можно выделить два компонента такого потенциала: собственно реформаторский и социально-инновационный. Первый зависит, главным образом, от социальных качеств и условий функционирования элиты, а второй — от объективного положения и социокультурных качеств средних и нижних слоев общества. Важная черта инновационно-реформаторского потенциала — его амбивалентность, т.е. отсутствие имманентно заданной направленности. Он может носить как конструктивный, так и деструктивный характер, ориентироваться на модернизацию или на традиционализацию и даже на архаизацию общественных институтов, примеров чего в современной действительности немало. Напомню лишь о таких "социальных новациях", как институционализация невыплат зарплаты, тотальной коррупции, теневой экономики; фактическая ликвидация бесплатного здравоохранения, антиконституционная дифференциация республиканских и региональных политических систем внутри Российской Федерации, распространение терроризма и вооруженного бандитизма, ваххабизма и других фундаменталистских движений.

Инновационно-реформаторский потенциал общества зависит от таких факторов, как эффективность его базовых институтов, доверие граждан политической власти, интересы и идеологические предпочтения верхних и средних слоев общества, степень его куль-

турной интеграции и др. Но влияние всех этих факторов на способность общества к саморазвитию опосредствуется его трансформационной структурой. Между тем задача изучения этой структуры как сложной целостности, как мне кажется, в явной форме еще не поставлена. Правда, основные субъекты трансформационного процесса — политические и экономические элиты, партии и общественные движения, промышленно-финансовые корпорации, разные группы предпринимателей, менеджеров производственной сферы и другие изучаются достаточно интенсивно. Но большинство подобных исследований носит монодисциплинарный характер, в то время как изучение трансформационной структуры общества требует сугубо междисциплинарного подхода. Кроме того, в этих исследованиях редко ставится задача обоснования целостного представления о системе макросубъектов трансформационного процесса, о направлениях и механизмах их взаимодействий. Гораздо чаще авторы ограничиваются анализом лишь отдельных типов социальных акторов. Между тем готовность и способность России к продолжению и завершению либерально-демократических преобразований определяется качеством не тех или иных элементов трансформационной структуры общества, а всей этой структуры как целого.

Элементы трансформационной структуры России

Социально-трансформационная структура российского общества, как таковая, почти не исследована. Имеющаяся литература и эмпирические данные в лучшем случае позволяют построить ее теоретическую гипотезу, подлежащую проверке, развитию и уточнению. Методологические подходы к построению такой гипотезы изложены в работе¹, и я не стану их повторять. Отмечу лишь, что исследуемая структура имеет, на мой взгляд, два равно важных и относительно независимых измерения, которые можно назвать соответственно социальным (или вертикальным) и политическим (или горизонтальным). Первое измерение отражает иерархический характер социального устройства общества. В нем выделяются социальные группы (или слои), различающиеся масштабом и структурой ресурсов, а соответственно, и механизмами воздействия на трансформационный процесс. Коротко об этих группах сказано выше, а подробнее они описаны в других публикациях². К группам, образуемым на базе второго измерения, не применим критерий "выше —

¹ *Заславская Т.И.* О социально-трансформационной структуре российского общества // Общество и экономика. 1999. № 3-4.

² См., например: *Заславская Т.И.* Социальная структура современного российского общества // Общественные науки и современность. 1997. № 3. С. 5-23; *Заславская Т.И., Громова Р.Г.* К вопросу о "среднем классе" российского общества // Мир России. 1998. № 4 (20). С. 3-22.

ниже", они просто качественно различны. В основе их выделения лежит общность актуальных политических и экономических интересов, находящихся выражение в социальных действиях, сознательно направляемых или опосредованно содействующих реализации определенных сценариев общественного развития.

Исходя из этого, представляется возможным в первом приближении выделить ряд относительно целостных и в то же время отличных друг от друга макросубъектов трансформационного процесса. Высказанные ниже соображения о составе и качестве этих субъектов следует рассматривать лишь как проект гипотезы, оглашаемый главным образом для того, чтобы конкретизировать выдвигаемую идею. Итак, перечислю предполагаемые элементы социально-трансформационной структуры нашего общества (которые, в силу их расплывчатости, быть может, правильнее было бы называть протоэлементами).

1. Либерально ориентированные элиты и субэлиты. В период нахождения этой группы у власти главными направлениями ее трансформационной активности были приватизация и перераспределение государственной собственности, формирование и налаживание работы новых экономических и политических институтов. Значительные усилия тратились также на стабилизацию экономической ситуации, удержание и укрепление власти, преодоление постоянных внутренних и внешних кризисов (Чечня, Приморье, Белоруссия, НАТО и др.). В настоящее время политическая деятельность либеральных элит носит разрозненный и неконструктивный характер, в то время, как их основное внимание сосредоточено на личном участии в крупном частном и квазигосударственном бизнесе.

2. Группа новой экономической элиты и субэлиты — "олигархи", руководство промышленно-финансовых корпораций и групп, собственники и менеджеры банков, бирж, крупных торговых и промышленных предприятий и фирм. Стратегическим интересам этой группы, казалось бы, должны отвечать социально-экономическая стабилизация, прочные гарантии собственности, развитие рыночных институтов и инфраструктуры, укрепление правопорядка и интеграция России в мировую экономическую систему. Но непосредственная мотивированность ее представителей личным обогащением в сочетании с острой конкуренцией за ресурсы и неустойчивой политической обстановкой в стране толкает их к нелегитимному, а часто и криминальному поведению. В последнее время заметно активизируется не только лоббистская деятельность этой группы, но и стремление ее членов непосредственно проникнуть во власть, подчинить ее своим интересам. Одним из проявлений этого служит междоусобная борьба друг с другом и с государством за овладение "четвертой властью" — СМИ, позволяющей манипулировать общественным мнением и электоральным поведением масс.

3. *Консервативно ориентированные элита и субэлита* — верхушка государственной бюрократии, в первую очередь, верхние звенья исполнительной и судебной власти, а также силовые структуры. К этой группе относятся, во-первых, чиновники, обладающие важными распределительными и распорядительными функциями; во-вторых, генералитет армии, МВД и ФСБ. Военно-бюрократическая элита и субэлита — главный субъект подготовки и принятия властных решений, их облечения в конкретно-правовую форму, форму политического контроля, а также силового обеспечения их исполнения. Сочетание ключевых управленческих функций обуславливает огромную силу этой общественной группы (чтобы не сказать — этого сословия), сохраняющуюся при любых режимах, независимо от того, какая группа политиков в тот или иной момент стоит у власти. Социально-классовые интересы современной бюрократии связаны с усилением исполнительной вертикали, повышением роли государства в экономике, наведением порядка в отношениях с регионами и сохранением целостности России. Но большая часть ее представителей глубоко коррумпирована, активно и с крупной выгодой для себя участвует в теневых экономических отношениях и неправовом перераспределении государственной собственности. Поэтому ее тактическим интересам больше соответствует сохранение слабого государства с парализованным правосудием.

4. *Верхушка коммуно-патриотических сил*, сформировавшаяся на базе бывшей номенклатуры, в российской элите почти не представлена, ее следует отнести скорее к *субэлите*. Эта группа артикулирует такие советские ценности, как социальная справедливость, коллективизм, трудовой характер доходов, великодержавная Россия и др. Однако многие лидеры коммунистического движения сами являются крупными собственниками, что вызывает сомнение в их политической искренности. Крайние представители этой группы выступают за возвращение незаконно приватизированной общественной собственности государству, за восстановление СССР, советской системы и плановой экономики, пусть в несколько модернизированном варианте. Политически более умеренная ее часть разделяет скорее социал-демократические ценности, поддерживая идеи социального государства, смешанной экономики и политической демократии. Трансформационная активность данной группы выражается в борьбе за власть на региональном и федеральном уровнях, оппозиционной деятельности в органах представительной власти, практическом противодействии либерализации экономики на местах, руководстве протестными общественными движениями, попытках частичной реставрации системы в регионах "красного пояса".

5. *Последняя по порядку, но не по значимости*, часть правящего слоя России — *верхушка криминального мира* — лидеры организованной преступности и криминализованная часть верхних

слоев. Деятельность этой группы весьма деструктивна. Она выражается в крупномасштабных хищениях национальных богатств, в том числе в форме криминального вывоза капитала, в торговле оружием и наркотиками, разжигании и затягивании военных конфликтов, организации терроризма и пр. Широкомасштабность и безнаказанность подобной деятельности объясняется интенсивным сращиванием организованной преступности с властью, которое реально угрожает криминальным перерождением государства и общества.

6. *Среднее звено бюрократии (чиновников)* — группа управляющих (начальства), социально противостоящая массе управляемых, занятых исполнительским наемным трудом. Благополучие бюрократии во все времена базировалось на силе и благосостоянии государства. Поэтому в целом она поддерживает политику усиления и авторитаризации власти, активизации государственного регулирования экономики, вплоть до возрождения планово-распределительного хозяйства, к либеральным же и демократическим реформам относится с осторожностью. Роль этой группы в трансформации общества исключительно велика, так как она непосредственно организует, направляет и контролирует на местах процессы становления новых институтов, практического внедрения и освоения новых правил игры. Консервативные и коррумпированные чиновники нередко выхолащивают из этих правил вложенный в них законодателями смысл, в результате чего их внедрение саботируется и реформы "не удаются". К отраслевому, региональному и муниципальному чиновничеству примыкает консервативно-патерналистское крыло директоров государственных предприятий, не сумевшее приспособиться к рынку. Главное направление его деятельности — лоббирование государственной экономической мощи, по сути означающее борьбу за сохранение советской модели.

7. *Массовый бизнес-слой* состоит из мелких и средних предпринимателей — собственников и менеджеров небольших, но относительно устойчиво работающих предприятий и фирм, а также из профессионалов делового профиля (риэлтеров, коммерсантов, дилеров, брокеров, банковских работников и пр.). Реформы принесли представителям этого слоя экономическую и социальную свободу, возможность самостоятельно добиваться роста своего благосостояния и повышения социального статуса. Поэтому они в основном поддерживают рыночные преобразования, сетуя, главным образом, на чрезмерные налоги, коррупцию чиновничества, недостаток государственной поддержки и защиты. В целом инновационно-предпринимательская деятельность данной группы способствует развитию конкурентной экономики, рынка товаров услуг и рабочей силы, иными словами, все более прочному вживлению рыночных отношений в общественный организм.

8. *Социально востребованные квалифицированные специалисты (профессионалы)*, в основном адаптировавшиеся к новым усло-

виям и существенно выигравшие от демократизации общества и либерализации духовной жизни. За полученную интеллектуальную и политическую свободу они готовы платить некоторыми экономическими ограничениями, хотя большинство не страдает и материально. Социально-инновационная деятельность этой группы направлена на интеллектуальное сопровождение и поддержку либерально-демократических реформ, развитие рыночных институтов и элементов инфраструктуры, освоение новых конкурентоспособных производств, совершенствование институтов здравоохранения, образования, науки и культуры, развитие структур гражданского общества. Большинство представителей этой группы придерживается либерально-демократических взглядов и заинтересовано в дальнейшем продвижении экономики в сторону рынка. Это одна из групп россиян, образ и стиль жизни которых наиболее ориентированы на западные образцы.

9. *Социал-демократически ориентированная массовая интеллигенция* была основной социальной силой — опорой перестройки. Однако гораздо лучше организованные и обладавшие большими ресурсами группы — номенклатура и дельцы теневой экономики — оттеснили ее от властных позиций, в результате чего социально-экономические позиции данной группы резко понизились. В настоящее время эта группа сравнительно немногочисленна. Большинство ее составляют представители бывшего советского среднего слоя, не принявшие либеральных реформ и видящие цель трансформационного процесса в движении к социальному рыночному государству. Наиболее заметную роль эта группа играет в обновлении институтов социальной сферы, в формировании структур гражданского общества, в организации социально-протестных движений. Но она не имеет ярких политических лидеров, не обладает властными позициями и потому не пользуется массовой поддержкой. Вместе с тем ценности социал-демократов, как мне кажется, наиболее отвечают интересам массовых групп россиян — "бюджетной" интеллигенции, крестьян и рабочих. Поэтому как субъект трансформации они обладают немалым потенциалом и при благоприятных условиях могли бы быстро набрать заметную силу. Дело за сильным лидером и организационным объединением.

10. *Относительно адаптировавшаяся часть базового слоя* — рабочие, крестьяне, слабо востребованные или не особо квалифицированные специалисты — наиболее массовая часть россиян, занимающая срединное положение в обществе. Эта весьма обширная группа практикует широкий спектр видов трансформационной деятельности и поведения. Главными каналами влияния на ход общественных преобразований служат избираемые ее представителями стратегии адаптации к новым условиям, связанные, с одной стороны, с повышением активности и увеличением трудовых затрат (вторичной занятостью, интенсификацией труда, расширени-

ем личных подсобных и садовых хозяйств и пр.), а с другой — с экономией на самом необходимом, обнищанием, депрофессионализацией, социальной эксклюзией, участием в протестных движениях против действий власти, в том числе принимающих деструктивные формы (блокирования железных дорог, взятие администрации в заложники, политические убийства, самосожжения и пр.). От того, будут ли в дальнейшем преобладать конструктивные или деструктивные типы адаптационных стратегий, во многом зависит не только судьба экономических реформ, но и судьба России.

11. Неадаптированная консервативно-периферийная группа объединяет менее образованную и малодеспособную часть базового и нижнего слоев, чуждую ценностей самостоятельности, свободы, личной ответственности, риска, успеха. Ее представители ориентированы, главным образом, на получение традиционной помощи государства, без которой испытывают растерянность, тревогу, разочарование и недовольство. Отсутствие собственных убеждений делает их отзывчивыми на популистские лозунги, демагогию, националистические и экстремистские призывы. Конструктивный вклад этой группы в трансформационный процесс невелик, но ее представители заслуживают внимания и помощи, как по гуманистическим соображениям, так и потому, что в кризисных ситуациях они могут составить важный резерв реакции.

12. Маргинально-периферийная группа — люмпенизированные низы, отвергнутые большим обществом и, в свою очередь, отчужденные от его институтов и ценностей. Здесь преобладают нелегитимные, деградационные и саморазрушительные способы поведения, деструктивные формы протеста. Будучи относительно изолированной, эта группа на первый взгляд не оказывает большого влияния на развитие общества, но в действительности это — питательная среда и ресурсная база преступности. Поставленная на порог выживания и разогретая безответственными политиками, она сравнительно легко может стать субъектом бунтов и погромов.

13. Широкое основание криминального мира, о верхушке которого сказано раньше, объединяет лиц, занятых сравнительно мелкой криминальной деятельностью или участвующих на второстепенных ролях в более крупной организованной преступности. Это мошенники, жулики, махинаторы, рэкетеры, шантажисты, грабители, взломщики, насильники, террористы, убийцы и пр., заинтересованные в продлении состояния аномии, коррумпированности и слабости правосудия, обеспечивающего свободу и безнаказанность их деятельности.

Изложенная гипотеза трансформационной структуры российского общества представляет лишь первый шаг к исследованию рассматриваемой проблемы. Представляется, что следующими шагами в этом направлении могли бы служить:

уточнение и конкретизация состава макросубъектов трансформационного процесса;

эмпирическая идентификация представителей соответствующих групп с помощью данных социологических опросов в целях определения их количественных соотношений, инженерно-технического и социально-гуманитарного профиля также социальных и культурных характеристик;

изучение взаимодействий макросубъектов социальной трансформации и оценка их эффективности;

уточнение функций трансформационной структуры российского общества в механизме его развития;

анализ тенденций и факторов изменения исследуемой структуры и реформаторского потенциала;

оценка реформаторского потенциала России по сравнению с другими странами бывшего СССР, а также Центральной и Восточной Европы.

Динамика трансформационной структуры и инновационного потенциала общества

Глубокие сдвиги, происшедшие в последние годы, существенно изменили социально-трансформационную структуру и инновационно-реформаторский потенциал России. На мой взгляд, эти характеристики определяются в первую очередь такими факторами, как:

1) *способность правящих элит к стратегическому мышлению и управлению*, проявляющаяся в разработке и реализации эффективных программ социальных преобразований, несмотря на саботаж бюрократии, действие криминальных сил, недоверие и апатию массовых групп;

2) *развитость, социальное качество и активность слоев и групп, занятых созидательной социально-инновационной деятельностью* — легитимным предпринимательством, освоением эффективных наукоемких технологий, апробацией новых моделей экономических отношений в производственной и социальной сферах, независимым информационным обеспечением общества, созданием и укоренением гражданских структур, распространением демократических и либеральных норм и ценностей, современных стилей жизни и образцов поведения;

3) *достаточная экономическая, социальная и политическая активность массовых групп* (рабочих, крестьян, специалистов средней квалификации), обеспечиваемая наличием соответствующих прав и свобод, уровнем материального благосостояния и уверенности в будущем, возможностью концентрации внимания на поиске способов достижения успеха, а не проблемах повседневного выживания;

4) *действенность общественных стимулов к овладению новыми знаниями и работе с максимальной отдачей*: степень осоз-

наваемой обществом зависимости личных доходов от трудового и интеллектуального вклада в создаваемую продукцию, а социальных статусов слоев и групп — от их культурного, профессионально-квалификационного и человеческого потенциала;

5) глубина социокультурного раскола верхних и нижних слоев общества; мера взаимного доверия или недоверия, понимания или непонимания между властью и обществом, наличие или отсутствие развитого диалога и социального партнерства между иерархическими слоями и группами;

6) интенсивность, легитимность и социальная обоснованность восходящей мобильности представителей нижних и средних слоев общества; доля и значимость теневой и криминальной составляющих этого процесса.

Попробуем оценить, как изменились интересующие нас качества общества в результате сдвигов, происшедших в последние годы в социальной структуре России: содействовали они росту или снижению инновационного потенциала общества, его способности к проведению реформ? Чтобы ответить на этот вопрос прежде всего обозначим важнейшие сдвиги в социальной структуре. На мой взгляд, к ним следует отнести такие сдвиги, как:

1. Резкая либерализация механизмов вертикальной социальной мобильности, с одной стороны, обусловившая приток в верхние и средние слои более молодых, энергичных, образованных и квалифицированных людей, но с другой — приведшая к делигитимизации и криминализации этого процесса. В результате, правящая элита пополнилась множеством случайных людей, сделавших карьеру и наживших большие богатства далеко не правовым путем (включая прямых выходцев из криминальной среды). Это обусловило низкое качество правящего слоя России как субъекта стратегического реформирования общества. Между тем после всплеска социальной мобильности в 1991-1993 гг. верхние и средние слои стали все сильнее сокращаться, так что их пополнение свежими силами "снизу" почти прекратилось.

2. Рост диверсификации и мозаичность социальной структуры общества, обусловленный особенностями стратегий социально-экономического развития, реализуемых элитами разных республик и регионов; локализация, дифференциация и регионализация механизмов социальной динамики и мобильности, способствующее культурной дезинтеграции общества. Сюда же следует отнести расхождение тенденций формирования социальной структуры в разных отраслях и секторах экономики — частном, полугосударственном и бюджетном; образование относительно автономных социально-экономических анклавов в лице гигантских финансово-промышленных корпораций, базирующихся на специфических институтах и обладающих собственной внутренней социальной структурой.

3. *Архаизация многих отраслей производства и всей сферы общественного труда*, широкое распространение временной и застойной безработицы (особенно в малых городах и на селе), натурализация экономических отношений и пр.

4. *Ослабление связи между трудом и доходом* даже по сравнению с советским временем (по данным социологов, зависимость доходов от собственного труда ощущают лишь 6-7% взрослых россиян и примерно столько же верят, что жизненного успеха можно добиться с помощью добросовестной и квалифицированной работы). Выход на первый план таких факторов успеха и восходящей мобильности, как богатство и социальные связи, не зависящих ни от способностей, ни от образования, квалификации и личных усилий людей, что лишает огромное большинство населения шансов на жизненный успех.

5. *Резкое обострение социально-экономической поляризации* в зависимости от таких прескриптивных признаков, как пол, возраст, этническая принадлежность, состояние здоровья. Многократное повышение доходов и расширение собственности правящего слоя при массовом снижении статуса основной части общества, резком расширении нищеты и бедности, ускорении процессов люмпенизации и социальной эксклюзии многих групп населения, роста социального дна.

6. *Сосуществование тенденций к повышению роли образования и квалификации* в частном секторе экономики, столичных и развивающихся регионах, оффшорных зонах и других "точках роста" с сокращением спроса на образовательные услуги в государственном и акционированном секторах экономики и прогрессирующим развалом системы образования в стагнирующих провинции и периферии.

Осуществленные преобразования не только не побудили "социально заторможенное" постсоветское общество к более активной реформаторской и созидательной деятельности, но привели к снижению его инновационного потенциала по сравнению с концом 80-х — началом 90-х годов. Об этом свидетельствуют следующие явления и тенденции.

Этап целенаправленного перехода российского общества от государственной-социалистической к социально-рыночной системе закончился, далеко не достигнув цели. Скромные результаты реформаторской деятельности новых правящих элит ограничились частичным обновлением своего состава, внедрением формальных норм демократии, а главное — приватизацией и перераспределением государственной собственности, преимущественно внутри собственного круга. После этого их внимание переключилось на проблемы стабилизации экономики, латание разнообразных дыр, урегулирование текущих конфликтов, межгрупповую борьбу и укрепление личных позиций.

В конце концов это привело к потере не только управления процессом, но и стратегических ориентиров. Наполовину преобразованное, идейно расколотое общество стало объектом неуправляемого развития, в основе которого лежала борьба трудно идентифицируемых социально-политических сил и действие непрогнозируемых внешних факторов. В этих условиях преобразование конкретных политических и экономических практик, в том числе освоение рыночных отношений, ограничилось спонтанными инициативами наиболее энергичных индивидов и групп, ни численность, ни активность которых, к сожалению, не показывают тенденции к росту. В целом же трансформационный процесс оказался во всеусиливающейся зависимости от никем не направляемого поведения массовых групп, цель которого — личное выживание.

Повышение инертности социальной среды ведет к затуханию инновационных порывов, локализации интересов, к сосредоточению внимания на проблемах, важных "здесь и сейчас", за счет отказа от долгосрочных стратегий. Отсутствие осмысленной целенаправленной политики власти затягивает и углубляет аномию, обостряет кризис идентификаций и ценностей. Заметно падают нормы морали, растет криминализация общественной жизни и общественного сознания.

Одним из следствий этого стихийного дрейфа в никому неведомом направлении является все большее углубление пропасти между правящим слоем и его "подданными" — управляемой частью общества. На мой взгляд, российские политики 90-х годов не только не понимали, но и не стремились понять социальные механизмы реформ. Они думали, что обладая политической властью, с обществом можно делать все, что считаешь нужным. Обострение же социальных проблем рассматривали как досадную помеху осуществлению своих макроэкономических замыслов. Экономическая стратегия ни одного из многочисленных правительств ельцинского времени не включала продуманной социальной политики, способной обеспечить поддержку реформ населением: фактически в социальной сфере России реализовались всего лишь косвенные последствия асоциальных реформ экономики.

Стихийный характер социальных процессов оказал разрушительное влияние не только на состояние экономики, но и на инновационный потенциал российского общества. Возникло массовое разочарование в демократии, катастрофически упало доверие к ведущим политикам и институтам власти. Массовые слои населения стали рассматривать реформы как чуждые, враждебные своим интересам, поднялись социально-протестные движения. Имевшаяся у значительной части россиян готовность конструктивно участвовать в социальных преобразованиях сменилась массовой ностальгией по советской системе. К тому же за последние десять лет многие люди очень устали, изверились в своих лидерах, потеряли надежду на будущее.

Российская элита тоскует по "национальной идее", которая примирила бы ее с обществом, а общество — с ней, укрепила и легитимировала ее статус. Но противоположность ее жизненных интересов интересам трудящихся масс вряд ли можно преодолеть с помощью звонких лозунгов. Для того чтобы восстановить доверие народа требуются практические дела, соответствующие его жизненным потребностям и интересам. Решение этой задачи возможно лишь при условии, что власть — в лице нового Президента России — не только захочет, но и сумеет изменить отношения с обществом, выступив с честным и обстоятельным анализом сделанных ошибок, если не преступлений, и обоснованием соответствующей интересам народа программы выхода из кризиса. Найдутся ли у современной российской элиты требуемые для этого интеллектуальные ресурсы и политическая воля, покажет будущее.